

Сперанский Валентин. О литературных заимствованиях // Русская мысль. Париж, 1955. 17 ноября. № 822. С. 6.

О ЛИТЕРАТУРНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ

ПЛАГИАТ, как преступление, несмотря на свою незапамятную древность, до сих пор не имеет единообразных определяющих его границ, ни в философии уголовного права, ни в положительных законодательствах. Литературное хищничество, ставшее бытовым повседневным явлением во все времена и у всех народов, еще и сегодня рождает споры между юристами-теоретиками и юристами-практиками.

Историческая действительность дает на эту тему богатый разъясняющий материал, порою чрезвычайно изумительный. Обратимся сразу к золотому веку нашей великой родной литературы. Известно, что Пушкин говорил за глаза о Гоголе полусерьезно: "этот хохол меня постоянно обокраживает". Упрям Александр Сергеевич — несправедлив, ибо он сам по собственному почину дал Николаю Васильевичу сюжеты и для "Ревизора", и для "Мертвых душ". Гораздо больше был бы основателем укор, адресованный Гоголю от двух писателей, второстепенных и забытых: Квитко-Основьяненко и Нарбжанаго.

Первый из них был автором комедии "Приблудный из столицы", дающей блудный, но отчетливый прообраз классического "Ревизора". Много сходства в отдельных сценах и мимолетных диалогах. Совпадающая фабула никак не изменила Гоголем по существу. Квитко, как его ближайший предшественник, основывался тоже на подлинном проис-

шествии и, стремясь соблюсти повсеместно яркий, бытовой реализм, давал простор своей извительной сатире. Огромная разница между двумя соперниками в размах художественного таланта, а еще больше в самом характере исходного творческого дарования. Гоголь блистательно превзошел мазошнытского Основьяненко и своим тончайшим знанием сцены, унаследованным им от своего отца помещика-театрала Василия Афанасьевича.

Скромный и непритязательный Нарбжаний точно дал Гоголю невольно черновики технически удобный и вдохновляющий для повести, о том, "Как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем". Гениальный мастер на готовой канве вышил свои причудливые узоры. Как ни велико преображение обоих повздоривших неоправдано притягатель на гоголевском роскошном полотне — все-таки и самый сюжет, и основные типы заимствованы Гоголем, не совсем законно, у гораздо менее счастливого собрата.

ПОДРАЖАЯ Нарбжану и Гоголю можно было бы написать правдивую историческую повесть о том: "Как поссорился Иван Александрович с Иваном Сергеевичем". Это был бы точный отчет о том, как Н. А. Гончаров совершенно серьезно возбудил против П. С. Тургенева обвинение в особо-коварном плагиате на своих сочинениях. Автор "Обрыва" утверждал, что агенты авто-

ра "Дворянского гнезда" посредством подобранных ключей для искусного взлома проникают у него из письменного стола бфловыя рукописи. Трестейский суд чести образовал особую следственную комиссию. Она не нашла никаких оснований для такой пелбной и такой жестокой клеветы на Тургенева.

Было бы, действительно, нездоровой странностью искать заимствований из романа "Обрыв" в романе "Дворянское гнездо", а тем более подозревать благородного барича Тургенева в таких низменных уголовных приемах. Програв дело на третейском суде, Гончаров не отказался в душе от своих упорных инсинуаций, продолжая еще много лет злословить зночно о Тургеневе по этому поводу и только в самом конце своей долгой (1812—1891) жизни сознался, что "был тогда душевно болен".

Не избег и Достоевский обвинений в "чрезмерных и безцеремонных" литературных заимствованиях. Не больше, не меньше, как сам Эмиль Золя (1840—1902), обвинил создателя "Братьев Карамазовых" и том, что он "все взял у Жорж-Зана". Кошачьи-грубое обобщение знаменитого французского романиста не может быть оправдано, но может быть психологически отчасти объяснено. Есть некоторые, сразу бросающиеся в глаза, внешние основания для скороспелого националистического самообольщения у Эмиля Золя.

Достоевский в самом деле пламенно увлекался Жорж-Заном (баронессой Авророй Дюлеман, 1804—1876), как писательницей-сердечницей, которую он никогда не видел. "Что значило в моей жизни

это имя, сколько изид этот поэт моих восторгов и сколько дал мне когда-то радостей, счастья!" (Дневник писателя, 1876, том II, стр. 261).

С другой стороны профессор-историк Н. В. Пущина мастерски и неопровержимо доказал и во французской печати, так и с кафедры, возглавляемого им Русского Научного Института, что в романе "Братья Карамазовы", и в романе Жорж-Зана "Вечное евангелие" есть не мало совпадающих мест, например, благоговейно-ученическое отношение Алени к старцу Зосиме и его временное разочарование, когда тблз почившаго праведника-мученика не оказалось пелбным, пблзком предвосхищены французской писательницей. Очевидно Достоевский, подобно Гете, "брал свое добро всюду, где его находил" и творчески его перерабатывал.

ЕДВА ли найдется во всей истории мировой литературы такой увлеченный в памяти потомства писатель, богатый на собственные творческие выдумки, который не согрбшил волей-неволей, хоть раз, крупным заимствованием у старшего собрата по профессии. Сам Шекспир несколько не смущался, когда ему указывали на подобные заплата в его "златотканной одежде поэта".

Лйт тридцать назад в эмигрантском журнале "Звено" мягко упрекали Чехова, как автора "Стени", за "плагиат" у Гоголя. Гораздо больше оснований для того, чтобы подражать бесконечно-милу Антопа Павловича при жизни за мнимое литературное воровство, получалось

тогда, когда составляли комедии "Мбсн в деревне" и "Дядя Ваня". И у Тургенева, и у Чехова в центре их пьес мы видим молодую женщину, успбшную охладить к мужу и скучающую в деревне. Она полюбила талантливого человека, бывающего у них в доме. Она сама соперничества юной дбвухи, она устраняет тонкий психологический вопрос, но хитрость ее быстро оказывается разоблаченной, и "могучий талант", чтобы не свить семейной смуты, навсегда убзжает...

Для утбшения молодых авторов, смущаемых неострашно-властным воздействием на себя писателей авторитетных и потому невольно переходящих границы допустимого заимствования, можно напомнить поучительный случай из жизни знаменитого композитора Александра Тихоновича Гречанинова, доныне здравствующаго на десятом десятке жизни в Америке. Однажды, будучи юным питомцем С-Петербургской консерватории, он принес любимому профессору Н. А. Римскому-Корсакову свою очередную работу. Авторитетный композитор кое-что поправил, сблзал пблзкими критическими замбчания и в общем похвалил. — Мне очень приятно, — сказал ученик, — но должен сознаться, что моя самого оно не очень удовлетворяет.

— Почему?

— Да что-то оно уж очень напоминает Бородину.

— Эх, — возразил Римский-Корсаков, — не бойтесь, когда ваше сочинение на что-то похоже. Бойтесь, когда оно ни на что не похоже!

Валентин Сперанский